

ИРИНА АНДРИАНОВА

АГРЕССИВНАЯ БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТЬ

или МОНЕТИЗАЦИЯ ЧУВСТВА ВИНЫ

Ирина Андрианова

Агрессивная

благотворительность

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=65100446

SelfPub; 2021

Аннотация

Алгоритм рекламы благотворительных сборов (как и любой рекламы вообще) настроен таким образом, что, чем чаще пользователь проходит по ссылке и переводит деньги кому-то на лечение, тем больше подобных объявлений сыпется ему "в благодарность". В результате тот, кто склонен испытывать сочувствие (или вину, неважно), при взгляде на очередного больного ребенка, уже через месяц окажется атакован такой плотной "ковровой бомбардировкой" благотворительных постов, что еще через два месяца начнет их ненавидеть...

Ирина Андрианова

Агрессивная благотворительность

В благотворительных рекламных постах о сборе денег на лечение детей никогда не бывает возможности комментирования. Думаю, это не случайно. Если бы она была, лента комментариев наполнилась бы страждущими воплями совсем неожиданного свойства.

На мой взгляд, там было бы что-то вроде:

«Пожалуйста, перестаньте, я больше не могу... Я ведь уже переводил вчера на лечение Ариши, позавчера – Гоши, а три дня назад – Арсюши! Я думал, что этим я уже купил себе право спокойно посидеть во «Вконтакте» хотя бы пару дней, не мучаясь чувством вины за то, что я такая сволочь и не заплатил еще на Машу, Ваню, Соню и т.д.. Но оказывается, это не так! Сколько бы я не платил, вы жестоко ставите мне в ленту очередную страдающую безволосую головку, которая говорит... Нет, она не говорит, но в моих ушах все равно звучит «ты заплатил недостаточно, помучайся-ка еще». Но поймите, у меня нет столько денег! Нет, я конечно понимаю, что в сравнении с этой страдающей головкой я – богач, и потому вообще не имею права роптать, но все-таки... нельзя ли требовать денег немножечко пореже? По крайней мере, не

во всех соцсетях, почтовых программах и новостных сайтах сразу? Я знаю, что я бесконечно виновен хотя бы тем, что не испытываю к этим лысым онкобольным абсолютно никакого сострадания, и перевожу деньги только ради покупки индульгенции за нечистую совесть, но ведь и у индульгенции должна быть фиксированная цена! Однако, когда только что совершенная сделка тут же обнуляется, потому что в ответ на СМС-ку о переводе денег Мишутке я немедленно получаю ответ с воззванием перевести денег теперь уже Пашутке, потому что он умирает, потому что его мать «молит о помощи», потому что я, вот именно я, по ее мнению, «не имею права пройти мимо», то у меня земля уходит из-под ног, потому что... потому что... я не могу усострадать всем сразу!»

Мне возразят, что подобные жалобы характерны для озлобленного неврастеника, чье мнение вообще можно не учитывать. Не говоря уж о том, что каждая просьба о помощи индивидуальна, что страдающие матери не виноваты, что их так много и бесконечные заголовки типа «срочный сбор» заполонили собой весь интернет и т.д.. Это, безусловно, правда. Однако (начну со второго возражения), источниками благотворительных постов является не такое уж большое число фондов, и уж они-то хорошо понимают, что «бомбят» своими выразительными постами одних и тех же пользователей. То есть как раз тех, кто привык испытывать чувство вины перед изображением больного ребенка. Таргетинговый метод предполагает отслеживание тех, кто часто от-

крывает и читает эти тексты, а еще лучше – проходит по ссылкам на платежную платформу. Именно им боты вслед за очередным переводом («в благодарность») закидывают еще пачку подобных объявлений. Соответственно, вышеприведенный неврастеник заведомо не имеет никакой возможности хотя бы временно «откупиться» от настойчиво протягиваемых к нему детских ручонок. Напротив, сам факт «откупки» привлекает новых просителей. Лишь тот, кому абсолютно все равно, может надеяться почти не видеть просительных постов. Таким образом, получается, что фонды заинтересованы именно в неврастениках. Почему? Потому что именно они, искренне ненавидя шквал страдальцев, суммарно заплатят им больше, чем спокойно-рассудительные пользователи, испытывающие сострадание строго порционно.

Иными словами, описанный нами вымышленный персонаж, будучи существом недобрым, трусливым и перманентно кающимся грешником а ля герои Достоевского, при всей своей мерзости является основной надеждой больных детей и их родителей. Однако за это он не получает никакой «обратной лояльности». Наоборот, чтобы сохранить его, благотворительные промоутеры вынуждены и дальше эксплуатировать его «худшие» качества – то есть бесконечно беречь его чувство вины и желание от нее откупиться. А сделать это можно, лишь усиливая выразительность, вплоть до агрессивности, своих постов. Потому что, как ни крути, любые чувства со временем притупляются. Существова в окружении

бесконечных детских лиц с просьбами о помощи, мы привыкаем к стандартной подаче материала, и сердце наше сжимается все реже. Отсюда – новые методы привлечения внимания. Так, если прежде дети фотографировались с безучастными лицами, то теперь они довольно часто изображаются с молитвенно сложенными ручками. Используются укоряюще-обвиняющие формулировки типа «Вы не можете просто сделать вид, что не видели этого!!!», «Как вы сможете жить дальше, если просто пройдете мимо?», «Я не прошу – я кричу о помощи!» и т.д.. На телефон, с которого была отправлена благотворительная СМС, будут приходиться просьбы помочь другим детям, либо повторные просьбы о сборе на того же ребенка. Непосредственно после СМС с переводом тут же приходит ответ, где вас попросят еще и «рассказать о ребенке родным и знакомым». В таком подходе много наивного простодушия: предполагается, что адресат послания впервые в жизни столкнулся с благотворительным сбором, и вот прямо сейчас со страстью неопита ринется надоедать родным и знакомым. На самом деле те, кто дошел до стадии благотворительных СМС, уже давно «в обойме», и уж фундам ли это не знать. Все просящие дети давно слились для него в одну собирательную голую головку и, как минимум, совершенно непонятно, о каком из детей рассказывать родным и знакомым – точнее, кто именно из десятков лиц достоин этого больше. «Марфуша так хочет жить». Но ведь и «Милана так хочет жить». И Артюша «хочет быть, как все дети». Как

выбрать из них того, ради которого следует забыть об остальных и посвятить все свои мысли только ему одному, постить его на своей стене, рассказывать родным и знакомым и т.д.? Да никак.

Разумеется, можно сурово осудить нашего героя за то, что он «очерствел сердцем», «перестал живо откликаться на чужую боль», «превратил благотворительность в бездушный конвейер» (хотя, вообще-то, это сделал не он, просто иначе невозможно) и т.п.. И это будет чистой правдой, с тем лишь «но», что это очерствение и конвейерная благотворительность приносит фондам и их подопечным больше взносов, чем разовые, но искренние всплески жалости у еще неиспорченных душ. Почему? Потому что горячо и искренне сострадать каждому из тысяч больных невозможно. Наш герой либо быстро переходит в «конвейерную» стадию, просто постановив выплачивать фондам определенную еженедельную «дань», либо перестает реагировать на них вообще, инстинктивно оберегая свои нервы.

Проблема еще и в том, что какова бы не была мотивация жертвователя – прагматика ли (откуп от чувства вины) или пароксизм искреннего сочувствия, большинство из них понимают, что по большому счету пожертвования бессмысленны. Подчеркиваем – именно по большому счету. Кого-то из детей купленное за 1, 2 или 3 миллиона лекарство и впрямь сможет вылечить окончательно и бесповоротно. Но это – большая редкость. Тяжелые онкологические, а тем более ге-

нетические заболевания на то и таковы, что даже самые дорогие медицинские технологии способны в лучшем случае затормозить их течение (поглощая при этом космические суммы денег). Более того, чем больше пожертвований, тем больше страждущих появится на следующем этапе, потому что – как ни цинично это звучит – тем, кто благодаря пожертвованиям не умер сегодня, понадобится новый курс лечения завтра. Таким образом, вкладывание денег в лечение безнадежно больных статистически лишь увеличивает их число. Людям несведущим, но эмоциональным это кажется верным признаком «ухудшения экологии» и «геноцида нации». Но на самом деле все в точности наоборот. Стало больше не больных, а именно *живых* больных детей. Тех, которые требуют лечения и протягивают к вам свои ручки. Тридцать лет назад таких даже не пытались лечить, и они быстро умирали, не испортив статистику. Означает ли это, что жертвовать на лечение не нужно? Напротив, очень даже нужно, но следует понимать, что этим мы не спасаем ребенка, а помогаем его матери почувствовать, что она не одна в своем горе. Что тоже, безусловно, неплохая цель.

Сделаем важную ремарку, позабытую вначале: в этой статье принципиально не обсуждаются случаи мошенничества, фейковых сборов и т.п.. Предпочитаем считать, что их доля в общей массе невелика. Вполне возможно, что раньше, когда сам жанр был относительной новинкой, обманы такого рода имели смысл. Но теперь аудитория откровенно устала,

и даже искреннему страдальцу трудно найти путь к сердцу потенциального жертвователя. Так что, полагаем, мошенничать стало нерентабельно.

(NB: Впрочем, от себя я бы все-таки посоветовала родителям больных детей не снимать их в декорациях дорогих квартир с элитной мебелью (несколько раз видела такое, и весьма удивилась самоуверенной наивности представителей миддл-класса). Нарочито стилизовать бедность, конечно, не стоит (правда все равно проскочит в мелочах, о которых вы даже не подозреваете), но состоятельным просителям следует помнить, что большинство сердец, которые вам нужно разбередить, принадлежат к социальной страте гораздо ниже вашей. И они немного удивятся, почему для спасения своего ребенка вы предпочитаете жертвовать их комфортом, а не своим. Тем не менее, даже в описанных случаях дети обычно действительно нуждаются в лечении; просто их родители настолько привыкли к комфортной жизни, что вариант продать ради курса химиотерапии квартиру, дачу, машину и переехать в пятером в комнату в общежитии даже не приходит им в голову. Но, подчеркиваем, это редкие случаи).

Убеждение в том, что «да половина всех этих сборов – вранье» – тоже один из вариантов борьбы с чувством вины. Но подходит он только тем счастливым натурам, которые не ведают сомнений. Наш вымышленный невротик, увы, похвастаться этим не может. Он хорошо знает, что так задешево ему от угрызений совести не избавиться, и потому предпо-

читает честно платить. Он-то знает (в отличие от искренне сочувствующих), что никого не спасает, а помогает (точнее, пытается помочь) только себе одному. Но вот беда: правил у игры нет, и непонятно, сколько пожертвований нужно сделать, чтобы внутренний голос перестал называть его бездушной тварью. Нет, что за чушь. Он же знает, что это невозможно. Есть люди, которые по определению являются «неравнодушными к страданиям детей», «тонко чувствующими чужую беду» и т.п., и с удовлетворением это осознают. Им не нужно это доказывать себе, не нужно регулярно переводить куда-то деньги. А он, сколько бы не платил, все равно будет тварью, потому что не испытывает к больным Арсюшам, Машам и Катюшам никакого сочувствия.

Безусловно, он заслуживает самого сурового порицания. Но вот беда – если таких, как он, не станет, то Арсюши и Катюши гарантированно недополучат денег. Выходит, им необходимо, чтобы он существовал. А еще нужно культивировать в нем уверенность, что он вечно виноватая бездушная тварь, чтобы он платил, платил и платил, и за счет этого расцвело Добро.